

вѣтромъ. А сама я слышу издали этотъ не-отразимо привлекательный, громкій крикъ: «ату его, ату его!» И черезъ нѣсколько се-кундъ мимо меня пронесся заяцъ, за нимъ со-баки, къ которымъ рванулись и мои, за со-баками Левъ Николаевичъ.

— Левочка, падаю!—кричу я что есть силы.

— Душенька, подожди!—проскакавъ мимо меня, закричалъ Левъ Николаевичъ.

Къ счастью, лошадь моя стояла, какъ вко-панная, и я благополучно провисѣла на сѣдлѣ еще нѣсколько минутъ, пока не подѣхалъ Левъ Николаевичъ.

— Затравилъ?—первое, что я спросила его.

— Ушелъ!—съ досадой отвѣтилъ онъ.

Въ эту самую осень пришелъ къ Толстымъ бывшій монахъ, лѣтъ шестидесяти, Николай Сергѣевичъ В—въ. Онъ принадлежалъ къ дворянскому роду, съ-молоду былъ офицеромъ, а потомъ поступилъ въ монастырь, откуда вскорѣ былъ выключенъ, такъ какъ пилъ запоемъ; онъ продолжалъ однако ходить въ монашеской рясѣ, скитался по роднымъ и на-ходилъ также пристанище у Толстыхъ, знав-шихъ его уже давно. Левъ Николаевичъ и мы все отъ души хохотали, слушая, очевидно, выдуманные имъ разсказы изъ временъ госу-даря Александра Павловича, будто зналшаго его и, по его словамъ, даже однажды взявшаго его съ собою въ театръ, когда пѣла извѣстная Каталани, которую В—въ называлъ Catalan. Онъ передавалъ, между прочимъ, свой разго-